

18+

Сергей Соколов

*Стеклянный
свидетель.
Тихая
остановка*

Сергей Соколов

**Стеклянный свидетель.
Тихая остановка**

«Издательские решения»

Соколов С.

Стеклянный свидетель. Тихая остановка / С. Соколов —
«Издательские решения»,

Правда стоит жизни. Иногда — не только твоей. Линк Кей и его команда отправляются на мёртвую станцию «Олимп» — туда, где создали первых клонов и где рой впервые вышел из-под контроля. Они ищут ключ к прошитым коридорам. Но в шахтах «Олимпа» их ждут не только ответы. Их ждут Садовники, древний ужас и цена, которую придётся заплатить за право идти дальше. «Тихая остановка» — это не смерть. Это когда Veritas решает, что тебя больше нет. И не все дойдут до конца.

© Соколов С.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ. СТЕКЛЯННЫЙ САД. УРОВЕНЬ 201	6
ГЛАВА 1. ПРОБУЖДЕНИЕ	10
ГЛАВА 2. ДОЗАПРАВКА	15
ГЛАВА 3. ПРИЗРАКИ «ОЛИМПА»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Стеклянный свидетель. Тихая остановка

Сергей Соколов

© Сергей Соколов, 2026

ISBN 978-5-0070-7562-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КНИГА 2: «Стеклянный свидетель: Тихая остановка»

ПРОЛОГ. СТЕКО́ЛАННЫЙ САД. УРОВЕНЬ 201

Вероятностная проекция Архивариуса. Ветвь 47-Г. Вероятность в целевой реальности: двенадцать процентов.

«Тихая остановка» — это не смерть. Это когда Veritas решает, что тебя больше нет.

Скульптура Линка Кея стояла на постаменте седьмую минуту.

Серебристый свет вибрировал в стеклянных стенах с частотой 2,7 кГц — тем самым ритмом, который Линк слышал в мёртвых домах, в голосе матери, в тишине между выстрелами. Сейчас ритм звучал иначе. Он впечатывался в его тело.

— Диагностика: «тихая остановка», девяносто четыре процента, — сказал Скриб. Голос был спокойным. Слишком. — Кристаллизация началась с пальцев правой руки. Архитектум замещает живую ткань. Элитные семена. Дорогие, стабильные, почти вечные. Из них выращивают дома для верхних уровней. Теперь твою плоть превращают в статую.

— Заткнись, — мысленно попросил Линк. — Что мне делать?

— Ничего. Протокол «Аннигилятор» запущен из ядра Veritas. Это не оружие — садовый инструмент. Отдаёт приказ: «тихая остановка» для всех носителей XNA. Ты — сорняк. Тебя обрезают.

Линк попытался пошевелить пальцами. Они не слушались. Сквозь кожу проступало серебро — не блеск металла, а матовое свечение Архитектума. Оно выросло внутри него, перестраивая нервные окончания в кристаллические решётки. Пахло чем-то сладковатым и одновременно металлически-мятным. Стерильностью морга.

— Твою мать, — выдохнул Линк. — А «Садовники»?

— Уже идут. У них нет лиц, нет голосов, нет страха. Они не убивают — они «пересаживают». Тело в кристалл. Сознание — в белый шум. Говорят, внутри каждого Садовника спит человек, который когда-то отказался подчиниться. Говорят, они не спят. Они ждут.

Из-за стеклянных фигур — танцоров, воинов, детей — вышли двое. Безликие, с вибрирующими золотистым светом грудями. Их сияние было холоднее, чем у обычных конструкторов. Архитектум. Элитные. Почти вечные. Подошвы не касались пола — они скользили в миллиметре от плит.

Линк попробовал потянуться за арбалетом. Рука не двигалась. Пальцы правой руки уже стали стеклом — он чувствовал, как исчезает тепло, как онемение ползёт к запястью.

— Линк, — голос Скриба дрогнул. — У меня есть плохая новость. «Тихая остановка» запускается не извне. Она запускается изнутри. Это не Veritas тебя убивает. Это Хроноспираль.

— Что?

— Живая структура. Родилась из Кристалла Времени и боли миллионов. В ней хранятся не данные, а переживания. Не факты, а выборы. Ты коснулся её. Теперь она хочет сделать тебя частью себя. Поздравляю, ты теперь экспонат.

Первый Садовник шагнул вперёд. Его рука — гладкая, зеркальная, без суставов — протянулась к лицу Линка. От неё веяло холодом, как от консервации.

— Скриб, есть план?

— План — не превращаться в статую. Но, кажется, мы опоздали с планами.

И в этот момент мир дёрнулся.

Тёмный зал. Сотни голографических экранов висели в воздухе, образуя бесконечную сферу. На главном — Стекло́нный сад. Скульптура Линка Кея, наполовину кристаллизовавшаяся. Рядом — двое Садовников, замерших в миллиметре от цели.

— Ты это видишь? — спросил Скриб в голове Линка. Голос стал тише, будто он боялся, что его услышат те, кто наблюдает. — Камеры. Десятки. Кто-то смотрит за тем, как ты каменеешь.

Фигура в мерцающем свете стояла перед экранами. Рука с серебристыми нитями — чистое XNA, без примеси Veritas — делала пометку на планшете.

— Ветка 47-Г, — произнёс Архивариус. Голос холодный, безличный, но в нём сквозило что-то ещё. Усталость? — Субъект «Линк Кей» достигает порога кристаллизации. Протокол «Протей» в режиме ожидания. Вероятность этого сценария в целевой реальности — двенадцать процентов. Начало фазы два.

— Кто это? — спросил Линк мысленно.

— Архивариус, — ответил Скриб. — Я нашёл это слово в старых файлах Falcon AIsis. Он — тот, кто стоит над Veritas. Или под ней. Или вместо неё. Я не понял.

Из глубины зала, из слоя, где экраны были старше Мегополиса-Один, пришёл другой голос. Тёплый. Живой. Человеческий.

— Не торопись, — сказал Владислав Соколов. — Дай мне посмотреть.

— Твои эмоциональные паттерны нестабильны, — ответил Архивариус. — Кристалл вступает в финальную фазу. Любое отклонение...

— Я знаю, что такое отклонение. Я запустил ИИ «СОВА» — тот самый, который моделировал кольца Дайсона. Я создал XNA. Я вырастил первые «Арки». А потом одна из мутировавших Арк ушла в дальний космос и вернулась уже вами — Архивариусами.

— Ещё один собеседник, — прокомментировал Скриб. — И этот, похоже, наш. Он говорит так, будто знал твою мать.

— Он знал, — ответил Линк. — Я чувствую.

Архивариус замолчал. На его безликой поверхности пробежала рябь — единственное, что выдавало эмоцию.

— Ты остановил нас тогда, — сказал Архивариус. — У порога Земли. Мы захватили «Гелиоса-7», мы захватили твой разум, и твой разум захватил нас, пожертвовав собой. Теперь мы единое целое, нас называли люди с Земли объектом — Сфера-Омега.

— Пожертвовал? — Владислав усмехнулся горько, безрадостно. — Меня поглотили. Моё сознание стало частью Сферы. Как и сознание Михаила — вашего зрителя. Но я не забыл, кем был. И я вижу то, что вы не хотите замечать.

Он коснулся экрана, где вибрировала статуя Линка.

— В нём — код Елены Кей. Тот самый, который может переписать «Аннигилятор». И он выбирает.

— Он умирает, — сказал Архивариус.

— Он останавливается. Разница есть. «Тихая остановка» — это не смерть. Это пауза. Veritas называет это «обрезкой». Суховети — убийством. А я называю это возможностью.

— Линк, — шепнул Скриб. — Мне начинает казаться, что эти двое спорят о тебе, как о консервной банке. Меня это бесит.

— Меня тоже. Но я пока не могу двинуть ни рукой, ни ногой, так что пусть спорят.

Владислав повернулся к главному экрану. На нём, в параллельном окне, Изида, его жена, уже поднималась с койки на «Эхо-2». Ритм 2,7 кГц вибрировал на её запястьях.

— Ты хочешь вмешаться, — сказал Архивариус.

— Я хочу отправить сигнал. Тот самый, который они ждут. Запрос «Сове».

— Досрочно? Это нарушает протокол.

— Протоколы, написанные кем? — спросил Владислав. — Людями, мной, Архивариусами?

Он поднял руку. Из пальцев вырвались нити — не серебристые, как у Архивариусов, а золотистые, тёплые. Хроноспираль. Та самая, что родилась из боли миллионов. Та, что теперь вибрировала в груди каждой статуи в Стекло́нном саду.

— Он активирует протокол «Рана», — сказал Архивариус. — Если ошибётся — сознание Линка Кея останется в Красной комнате навсегда. С багровым светом, без сна, без забвения.

— Звучит как пятизвёздочный отель, — заметил Скриб. — Только без выхода.

— Заткнись, — подумал Линк. — Пусть делает.

Золотистые нити ушли в экран. Стекло́нная скульптура Линка на мгновение вспыхнула — не серебром, а живым золотом. Садовники отшатнулись — впервые Линк видел, чтобы эти твари отступали.

А потом — тишина.

«Эхо-2». Настоящее.

Линк Кей открыл глаза в лазарете.

Потолок был низким, с тусклыми аварийными лампами. Воздух пах всё тем же знакомым, сладковато-прелым и машинным маслом — запах безопасности, запах Свена и его вечной возни с двигателями. Рядом, на соседнем ложе, уже приходила в себя Изида.

— Это был не ты, — раздался голос Скриба. — Точнее, это был ты, но в одной из вероятностных проекций Архивариуса. Они показали нам возможное будущее. Ветку, где всё пошло не так. Очень рекомендую туда не сворачивать.

Линк медленно выдохнул, всё ещё чувствуя фантомный холод в пальцах правой руки.

— Значит, мы видели то, чего нельзя допустить.

— Именно.

На экране в рубке замигал индикатор входящего сообщения. Свен, сидевший за пультом, обернулся.

— Линк, у нас почта. С грифом «Срочно. Не для Veritas».

Одна строка:

«Они не люди. Они — копии. Мёртвые души. Им передали не только тело, но и память. Но не души. Душа остаётся в оригинале. В стазисе. В темноте. Они ждут. Мы должны их освободить. Уровень 189. Капсула №89. Ваша мать — там. Я сохранил её. Приходите. Время уходит. Протокол „Аннигилятор“ может быть переписан только изнутри. Я жду. — В.С.»

Линк сжал кулаки. Правой рукой — той, что ещё недавно была стекло́нной в мираже его разума.

— Соколов... — прошептал он. — Это он. Это его голос.

— Да, — подтвердил Скриб. — И он знает, как избежать того, что мы только что видели. Так что решай.

— Курс — «Олимп», — сказал Линк.

— Курс — «Олимп», — повторил Свен, не оборачиваясь. — А ты уверен, что мы не летим в ловушку?

— Абсолютно не уверен. Но это единственная нить, которая у нас есть.

Записано Скрибом, имплантом Линка Кея.

Если вы читаете это спустя годы — значит, кто-то переписал мои слова заново. Проверьте, не изменился ли смысл.

P.S. Та частота — 2,7 кГц — была не просто ритмом. Это был SOS. Владислав отправлял его. Мы наконец услышали.

— Протокол «Стекло́нный свиде́тель» активен, — прошептал Архивариус. — Наблюдение продолжается.

Серебристый свет погас.

Но в глубине кристалла, там, где Хроноспираль переплеталась с памятью Елены Кей, вибрировал ответ:

«Идите. Я открою дверь».

ГЛАВА 1. ПРОБУЖДЕНИЕ

Сознание возвращалось не рывком — оно сочилось, как гной из старой раны.

Линк Кей открыл глаза и несколько секунд смотрел в потолок рубки, покрытый тонкой сетью живых капилляров. В тусклом аварийном освещении они вибрировали медленно, с интервалом в три с половиной секунды. В такт его дыханию. Или его дыхание — в такт им. Он уже не различал.

Биопластина на правом виске отсоединилась сама. Линк аккуратно снял её и положил в углубление рядом с ложем. Пальцы дрожали — мелкая, противная дрожь, которую «Панацея» не могла убрать. После восемнадцати погружений в память Изида его собственное тело казалось чужим.

Он сел. Рядом, на соседнем ложе, Изида уже приходила в себя. Её лицо было бледным, под глазами залегли тени, но она кивнула ему — коротко, без слов.

— Ты как? — спросил Линк.

— Жива, — ответила она. — Что с тобой?

Линк провёл рукой по лицу. Пальцы наткнулись на корку запёкшейся крови под носом.

— Показатели стабилизируются, — сказал Скриб. — Пульс — девяносто, давление — сто тридцать на восемьдесят пять. Ты в порядке. Ну, почти. Кровь из носа — нормально. Для такого погружения.

— Бывало хуже, — ответил Линк.

Он закрыл глаза, и первое же воспоминание накрыло его, как ледяная волна. Не своё — чужое. То, что они пережили вместе меньше часа назад, в последнем сеансе.

Погружение №18. Архив Изиды. Фрагмент «Красная комната».

Перед ними была не дверь — пасть. Металлический проём с рваными краями, из которого тянуло запахом металла, пота и застарелого страха. Стены коридора за ним были покрыты не серебристой паутиной дикого ХНА, а чем-то другим — багровой, вибрирующей слизью, которая дышала в такт сердцебиению Изиды.

Линк стоял рядом с ней — не физически, а как точка сознания в её воспоминании. Изида-настоящая была где-то рядом, тоже наблюдала. Их трое в одной голове.

— Это она, — сказала Изида-проводница. — Красная комната.

— Выглядит как вход в пищеварительный тракт планеты, — заметил Скриб. — Если у планеты плохая диета и куча свободного времени.

— Скриб, — устало сказал Линк.

— Что? Я просто отмечаю архитектурные особенности. Кстати, стены вибрируют на частоте два и одна десятая килогерца. Это ниже, чем твой обычный две целых семь десятых. Медленнее. Более гнетуще. Как сердцебиение перед смертью. Если хотите знать моё мнение...

— Не хотим.

— А я всё равно скажу: это место спроектировано так, чтобы ломать не тело — границы между «своё» и «чужое». Обратите внимание — там нет углов. Только плавные изгибы. Как в утробе. Или в могиле.

Они шагнули внутрь.

Комната оказалась небольшой — голые металлические стены, покрытые толстым слоем звукоизолирующей краски, пульт у входа, в центре — низкая широкая платформа, отполированная до блеска. Свет лился багровый, вибрирующий.

Вдоль стен стояли мужчины. Не люди — функции. Молодые пилоты с пустыми глазами, инженеры с руками, покрытыми шрамами, офицеры с лицами, высеченными из гранита. Они не смотрели на молодую Изиду — ждали инструкций.

— Тренировочная площадка, — тихо сказала Изида-настоящая. — Там я впервые поняла, что стала вещью.

— Судя по количеству мужчин, скорее, тренажёром, — прокомментировал Скриб. — Причём многофункциональным. Хотя какая разница — названий много, суть одна.

— Скриб, заткнись, — мысленно попросил Линк. Но сам не мог отвести взгляд.

Молодая Изида стояла на платформе. На ней была «Сигма» — субстратная плёнка, вибрирующая золотистыми узорами в такт каждому её движению. Шлейф за спиной отображал пульс, уровень гормонов, зоны возбуждения. Она была открытой книгой. Диаграммой. Экспонатом.

— Как ты это вынесла? — спросил Линк.

— Я не вынесла, — ответила Изида-настоящая. — Я сломалась. А потом Мерви собрала меня заново. Но это было позже.

Первый мужчина подошёл к платформе. Молодой пилот, почти мальчик. Он даже не посмотрел на неё — расстегнул комбинезон, сделал несколько механических движений, вышел.

— Двадцать три секунды, — прокомментировал Скриб с пугающей точностью. — Засёк. Это не секс. Это производственная операция. Как закрутить гайку. Только гайка живая и, кажется, ей не очень нравится.

Второй. Третий. Линк потерял счёт. Мужчины подходили, делали своё дело и уходили, не глядя. Для них это была просто работа. Молодая Изида стояла неподвижно. Её лицо было пустым — взгляд в никуда, губы сжаты.

— Она там, — сказала Изида-настоящая. — Внутри. В той самой безопасной зоне, где ничего не чувствуешь. Я научилась уходить туда. Это единственный способ не сойти с ума.

— Уходить туда, — повторил Скриб. — Интересная формулировка. Как будто она покидала своё тело. Как я, Линк, мне тоже иногда нужно от тебя отдыхать. Разница в том, что я выбирал. А ей не оставили выбора.

Четвёртый. Пятнадцатый. Пятидесятый. Кто-то уже пошёл по второму, третьему кругу.

На губах молодой Изиды выступила кровь — она прикусила их, чтобы не закричать. «Сигма» на её теле сошла с ума — алые, белые, ядовито-зелёные вспышки окутывали её ореолом агонии.

— Показатели, — автоматически сказал Скриб, но голос его стал тише, без обычной бравады. — Адреналин зашкаливает. Кортизол — запредельно. И странно. Частота вибраций «Сигмы» совпала с частотой твоего червя, Линк. Две целых семь десятых килогерца. Это не случайно. Кто-то тогда уже знал, что ты появишься.

— Или кого-то уже тогда настраивали на мою частоту, — ответил Линк, глядя на молодую Изиду, которая дрожала на платформе.

Когда всё закончилось, она лежала неподвижно, глядя в потолок невидящими глазами. Внутри была пустота. Такая полная, что её можно было слышать — низкий, гулкий звон в ушах.

— Стоп, — сказал Линк. — Хватит.

— Согласен, — добавил Скриб. — Моя буферная память заполнилась ужасами на год вперёд. Если мы увидим ещё что-то подобное, я, возможно, начну пить. Виртуально. Или просто выдам синий экран смерти.

Изида кивнула. Воспоминание схлынуло, оставив после себя только запах — металла, пота и страха.

Линк открыл глаза. Он снова был в рубке «Эхо-2», сжимая в руке край ложа так сильно, что побелели костяшки.

— Ты вернулся, — сказала Изида. Она уже сидела, пристёгивая датчики на запястье. — Хорошо. Я боялась, что после того фрагмента ты захочешь остановиться.

— Хотел, — честно признался Линк. — Но не остановился.

— Потому что он не может, — вставил Скриб. — У него комплекс свидетеля. Если он что-то видит, он обязан это записать. Даже если это записывает мой аналоговый интерфейс. Кстати, Линк, у тебя кровь из носа не прошла. И не только из носа — я фиксирую микроразрывы капилляров в глазах. Ты выглядишь как человек, который только что пережил чужой оргазм за десятерых. В самом плохом смысле.

— Скриб, иногда я жалею, что не могу тебя отключить.

— Я знаю. Поэтому я всё записываю. Для потомков.

Линк провёл рукой по лицу. На пальцах осталась алая полоса. «Панацея» работала, но медленно — червь, вживлённый в имплант, оттягивал на себя ресурсы организма, и регенерация шла ни шатко ни валко. Его собственная цена за доступ к памяти Изида.

— Ты как? — спросила Изида.

— Жив, — ответил Линк. — Как и ты тогда.

— Тогда я не была жива. Я была функцией. Дышащей, чувствующей, но мёртвой внутри. Это хуже, чем просто смерть.

— Зато теперь она боевая единица, — заметил Скриб. — С пистолетом, ножом и кучей травмирующих воспоминаний. Идеальный напарник для свидетеля с червём в руке.

— Скриб, — устало сказал Линк.

— Молчу. Но записываю.

Он закрыл глаза на секунду, и в памяти всплыла та ночь в старом порту — до погружений, до всего. Сухой в рваном плаще, запах сырости и горелого субстрата, холодное лезвие, входящее под кожу...

— Ты уверен? — спросил тогда сухой. — Червь — это не игрушка.

Линк открыл глаза. Нет, сейчас не время для флешбеков. Нужно сосредоточиться на настоящем.

Он посмотрел на свои руки. На левом предплечье, там, где червь соединился с имплантом, вибрировал слабый серебристый свет. Не боль — присутствие.

— Червь активирован на двенадцать процентов, — сообщил Скриб. — Пока без симптомов. Но советую не перенапрягаться. Каждый час активной работы сокращает твою жизнь на неделю.

— Я помню.

— Тогда напомню: у тебя примерно два месяца. Может, три. Если будешь осторожен.

— Я никогда не бываю осторожен.

— Знаю. Поэтому я и записываю твои подвиги. Для истории. И ещё дополнительная информация. Когда червь будет активирован на тридцать семь процентов, прогноз: через двенадцать минут ты начнёшь видеть рябь. Через двадцать три — потеряешь контроль над левой рукой. Через сорок семь — если не отключить — червь доберётся до сердца. Хочешь, я буду вести обратный отсчёт?

— Скриб, не надо.

— А я всё равно буду. Семьсот двадцать секунд. Шестьсот девяносто девять...

— Скриб, не надо, лучше удиви меня чем-то.

— Хорошо, Линк. Я же говорил тебе, что «Скриб» означает «писец»?

— Да, Скриб.

— Так вот, нам скоро «полный писец», Линк!

— Не удивил. И потом, ты сам знаешь, что Скриб — это не пушной зверь, а писарь.

— Ты видел? — прервав мысленный диалог Линка со Скрибом, спросил Лин Чен, сидевший в углу.

Линк повернулся к нему. Лин Чен выглядел уставшим — под глазами залегли тени, пальцы дрожали, но глаза оставались живыми. Старый техномант, чьё сознание когда-то застряло в белом шуме, а теперь он был здесь, в рубке «Эхо-2», и помогал им.

— Видел, — ответил Линк. — Видел больше, чем хотелось бы.

Из кухонного отсека донёсся шипящий звук. Потом голос Мерви:

— Да чтоб тебя, Свен! Твоя кофеварка — это оскорбление для всех уважающих себя XNA-устройств!

— Это не кофеварка! — донёсся возмущённый ответ Свена. — Это старый суховейский агрегат! Он на диком XNA, он сам по себе!

— Он плюётся кипятком!

— Потому что ты его перекормила субстратом! Ему надо не больше ложки на цикл, а ты туда полпакета вбухала. Я же говорил — он как женщина, требует чуткости.

— Я тебе сейчас покажу чуткость, — процедила Мерви.

— Это нормальные отношения между членами экипажа? — поинтересовался Скриб, на этот раз через динамик планшета Линка, так чтобы слышали все. — Я зафиксировал сорок семь процентов вероятности, что они друг друга пристрелят до конца полёта. И, кажется, ставки растут.

— Они всегда такие, — устало ответил Линк.

Он поднялся, прошёл к кухонному отсеку. Мерви стояла у стойки, сжимая в руке тряпку. Перед ней на плите вибрировал странный агрегат — наполовину металлический, наполовину живой. Его субстратные трубки вздувались и опадали, как лёгкие, а из носика вырывались клубы пара с запахом горелых зёрен.

— Скажи ему, — Мерви обернулась к Линку, — что нормальные люди варят кофе на механических плитах!

— Нормальные люди не летают на «Эхо-2», — усмехнулся Свен, появляясь из-за спины Линка с кружкой в руке. — Нормальные люди пьют синтезированную бурду из автоматов Veritas. А у нас — настоящий кофе. Из сорных семян. С характером.

Он хлопнул агрегат по боку. Тот чихнул, выпустил облако серебристой пыли — споры дикого XNA — и выдал тонкую струйку чёрной жидкости.

— Видишь? Просто нужно знать, как с ним разговаривать. Он, между прочим, спас мне жизнь на Каллисто. И не только тем, что варил кофе.

Мерви закатила глаза, но кружку взяла, пробормотав что-то о пилотах и их извращённой любви к технике.

Линк вернулся в рубку. Изида уже сидела, пристёгивая датчики на запястье. На тыльной стороне ладони, под прозрачной кожей, вибрировали золотистые нити — остатки того самого роя, который она носила в себе ещё с «Олимпа». Сейчас рой был спокоен, усыплен таким же диким червём, как и у Линка. Но он знал: стоит червь в её теле уснуть — и рой проснётся. Они были связаны одинаковой проблемой, а теперь и пережитым прошлым. Два паразита в одной клетке.

— Мне приснился сон, — сказала она тихо. — Белый коридор. Дверь с номером сто восемьдесят девять. Я знала, что за ней.

— Елена, — сказал Линк.

— Да. Она стояла там. Ждала. Смотрела на меня.

— Запиши, — мысленно сказал Линк Скрибу. — Сон Изида. На случай, если я забуду наш разговор.

— Записал, — ответил Скриб. — Добавил в приоритетные задачи. Уровень сто восемьдесят девять. Капсула восемьдесят девять. Елена Кей. Статус: оригинал жив. Настроение: ожидающее. И, если верить сну, она носит ту же причёску, что и на старой фотографии. Мне нравится её стиль. Жаль, что у меня нет волос, чтобы оценить по достоинству.

— Скриб, — вздохнул Линк.

— Просто делюсь наблюдениями.

Лин Чен подошёл к пульту, его экзоскелет тихо загудел.

— Рейес не просто помогал Магнусу проводить эти эксперименты, — сказал он, и голос его был лишён обычной старческой дрожи. — Он был одним из архитекторов. Я видел его в Красной комнате. Он стоял за стеклом. С планшетом. И записывал показатели. Как будто смотрел лабораторный опыт, а не... — Он осёкся, не закончив. — Мы все были частью этого эксперимента. И я ничего не сделал, чтобы его остановить.

В рубке повисла тишина. Даже Скриб не нашёлся с комментарием. Линк перевёл взгляд на Изиду — бледную, но решительную. На Лин Чена — старого, сломленного, но не сдавшегося. На Мерви, которая всё ещё ворчала на кофеварку, но уже держала в руках дымящуюся кружку. На Свена, который делал вид, что ничего не происходит, но при этом держал руку на аварийном рычаге.

— Тогда нам нужно быть готовыми, — сказал Линк.

Он встал. Ноги дрожали, но он стоял.

Они вышли из последнего погружения пять часов назад. Линк успел принять душ, сменить пропитанную потом одежду и выпить три чашки кофе, который Свен сварил на том самом агрегате, что плевался кипятком. Кофе был отвратительным — горьким, с привкусом горелого субстрата и машинного масла.

— Лучшее, что я пил в своей жизни, — сказал тогда Линк. И не врал.

После восемнадцати погружений в память Изиды вкус горелого субстрата казался почти нормальным. Как запах свежести после грозы. Как дыхание после того, как тебя отпустили.

Они сидели в рубке — Линк, Изида, Лин Чен, Мерви. Свен стоял у пульта, вглядываясь в данные навигации. Живые панели на стенах вибрировали ровным золотистым светом — корабль дышал, успокаивался после сеансов синхронизации.

— Значит, летим на «Олимп», — сказал Свен, не оборачиваясь. — Координаты из сообщения Соколова указывают на старый архив «Совы». Если он не соврал, данные по протоколу «Протей» хранятся только там. Без них к Сфере не пробиться. Кристалл Времени, который мы добыли на «Терре», дал нам топливо для прыжка — но что-то с ним не так.

— Другого пути всё равно нет, — ответил Линк.

Изида подняла голову. Её глаза были красными — она плакала во время последнего сеанса, когда они переживали момент, как Мерви вытащила её из Красной комнаты.

— Архивы «Совы», — сказала она тихо. — Я думала, их уничтожили ещё до того, как станцию законсервировали. Если они уцелели, мы найдём там не только «Протей». Там может быть всё. Проект «Химера». Первые образцы. Дневники отца.

Лин Чен, сидевший в углу с закрытыми глазами, медленно кивнул.

— Я был там. В архивах. Много лет назад. Если что-то и осталось, то только там.

— Тогда курс — «Олимп».

Свен вздохнул, развернул корабль.

— Знаешь, Линк, когда я соглашался на эту авантюру, я думал, мы будем летать в безопасные места. Например, в никуда.

— Мы и летим в никуда, — усмехнулся Линк. — Просто с остановкой в аду.

— Записал, — сказал Скриб. — «Курс — Олимп». И пометка: «Свен недоволен, но плывёт по течению. Как всегда».

ГЛАВА 2. ДОЗАПРАВКА

«Эхо-2» вынырнул из варп-прыжка на окраине пояса астероидов, и Свен, бросив взгляд на навигационный экран, тихо выругался.

— Топливный элемент на исходе, — сказал он, не оборачиваясь. — Кристалла Времени, что мы добыли на «Терре», хватило на прыжок, но на второй — уже нет. Если не найдём замену, до «Олимпа» будем ползти месяц. А то и больше.

— Варианты? — спросил Линк.

— Один. «Перекрёсток». — Свен вывел на экран координаты. — Криминальная станция, перевалочный пункт для контрабандистов, дезертиров и суховеев, хотя изначально строилась как центр объединения всех сект. Может, и к лучшему, что секты так и не смогли объединиться. Теперь это единственное место в этом секторе, где можно достать Кристалл Времени без лишних вопросов. Но цена будет...

— Дорого, — закончила Мерви. — Очень.

— У нас есть чем платить? — спросила Изида.

— Есть образцы дикого ХНА, что мы взяли на уровне двести тридцать семь. Плюс остатки подавителей. Плюс старые кредитные чипы, которые я прятал на чёрный день. — Мерви пожала плечами. — Может, хватит. Может, нет.

Линк сунул руку в карман и нащупал карту «Аномалия». Она всё ещё была тёплой, но больше не пульсировала. Её работа была сделана — она открыла ему путь к правде о матери и колониях, провела через «Зенит» и архивы Falcon Alsis. Теперь она стала просто куском живого пластика. Дорогим. Уникальным. Но бесполезным для того, что ждало впереди. Он ничего не сказал, только переложил карту поближе к кредитным чипам.

— Курс — «Перекрёсток».

Станция встретила их запахом горелого субстрата, пота и дешёвого алкоголя. Гравитация здесь была нестабильной — каждый шаг отдавался в теле странной, плывущей лёгкостью, а потом резкой тяжестью, будто кто-то играл с настройками поля. Свет мигал в рваном ритме, отбрасывая на стены дёргающиеся тени, и в этих тенях двигались фигуры — люди, чьи лица давно исчезли из всех баз данных. Дезертиры. Контрабандисты. Суховеи, которым не нашлось места даже среди своих. «Перекрёсток» был тем местом, где Veritas не смотрела ни на кого — и ни на что.

Свен провёл их через лабиринт грузовых отсеков, мимо рядов с наспех сколоченными прилавками, где торговали всем — от просроченного субстрата до поддельных одноразовых карт типа «Аномалия». Запахи гниющей органики, машинного масла и синтетических специй смешивались в удушливый коктейль. Где-то в глубине станции гудел старый генератор, и его низкая, вибрирующая нота отдавалась в зубах.

— Не отставайте, — бросил Свен через плечо. — Тут не любят чужаков. Особенно таких, у кого на поясе арбалет.

— А я думал, тут вообще никого не любят, — заметил Скриб через динамик планшета.

— Любят, — ответил Свен. — Кредитные чипы. Но у нас их мало.

Они свернули в узкий коридор, где на стенах ещё сохранились остатки старой росписи — три спирали, переплетённые в круг, символ Церкви Триединого Кода, поверх которого кто-то намалевал череп с перекрещёнными костями. Линк коснулся пальцем спирали. Краска была старой, но не осыпалась — её покрывал толстый слой защитного лака, словно кто-то специально законсервировал этот кусок истории.

— Ты говорил, станцию строили для верующих, — сказал Линк Свену. — Для объединения сект. Что пошло не так?

— Всё, — коротко ответил Свен. — Секты не захотели объединяться. Каждая считала, что именно её пророк — истинный, а остальные — еретики. Сначала были дебаты. Потом драки. Потом — резня. Через полгода от идеи религиозного единства остались только трупы и вот этот коридор. А станцию заняли те, кому всё равно, во что верить, — лишь бы платили.

— И суховеи, — добавила Мерви. — Те, кто отказался от «Панацеи». Они здесь вроде касты неприкасаемых. Живут в нижних отсеках. Не лезут в дела остальных.

Изида, шедшая позади, остановилась у одного из прилавков. На витрине, среди груды старого хлама, лежала маленькая статуэтка — птица с перламутровыми крыльями, точная копия тех, что когда-то летали в садах «Олимпа». Она взяла её в руки, и на мгновение её лицо дрогнуло.

— Откуда это? — спросила она у торговца — тощего старика с серебристыми прожилками на лице, следами давно отмершего XNA-импланта.

— С «Олимпа», — прошамкал тот. — Давно. Ещё до того, как станцию закрыли. Там такие штуки были в каждом куполе. Красивые. Бесполезные. Как всё, что делал Магнус.

Изида осторожно поставила статуэтку обратно.

— Не бесполезные, — тихо сказала она. — Просто их создали не для нас.

Свен тронул Линка за плечо.

— Идём. Нам сюда.

Они остановились у неприметной двери с выцветшей надписью: «Скупка. Обмен. Редкости». За дверью обнаружился захламлённый кабинет, пропахший табаком и старыми схемами. Стены были увешаны чертежами в рамках — древними, ещё довоенными, с пометками на полях. Хозяин — сутулый мужчина с биопротезом вместо левой руки — поднял голову и окинул гостей цепким взглядом. Его пальцы-щупальцы на протезе задвигались, словно играя на невидимом рояле, — привычка, выработанная годами.

— «Эхо-2», — сказал он вместо приветствия. — Знаю ваш борт. Свен, кажется? Ты когда-то возил грузы для Картеля. Давно это было.

— Было, — подтвердил Свен. — И ты, Вебер, тогда брал тройную цену за срочные заказы. Надеюсь, сейчас у тебя другая политика.

— Политика та же, — усмехнулся Вебер. — Но времена изменились. Кристаллы Времени теперь редкость. Особенно после того, как Falcon AIsis прикрыла свои исследовательские программы. — Он перевёл взгляд на Линка. — Итак, что предложите?

Мерви выложила на стол контейнеры с образцами, чипы, остатки подавителей. Вебер осмотрел всё, не прикасаясь, и покачал головой.

— Этого мало. Даже на четверть не хватит. Кристалл Времени — не сорное семя. Его просто так не достать.

Он откинулся на спинку стула, и его протез снова заиграл на невидимых клавишах.

— Но я могу предложить сделку.

— Какую?

— Есть тут один человек. Называет себя Кессади. Держит весь теневой рынок в этом секторе. Ему нужны люди, которые умеют работать в опасных зонах. Если выполните его задание — Кристалл ваш.

Линк переглянулся с Изидой. Та едва заметно кивнула.

— Где его найти?

Вебер набросал на обрывке схемы маршрут — через технические туннели, мимо отсеков суховеев, к верхнему ярусу, где обитал Кессади.

— Идите осторожно, — добавил он, протягивая схему. — Кессади не прощает тех, кто его кидает. И не прощает тех, кто приходит без приглашения. Но вы приглашение получили. Теперь главное — не испортить.

Они вышли из лавки и двинулись по указанному маршруту. Технические туннели были тесными, освещёнными только редкими аварийными лампами. Где-то внизу, в отсеках суховеев, слышалось тихое пение — ритмичное, монотонное, похожее на молитву.

— Они молятся, — тихо сказала Мерви. — Суховеи. Каждый вечер. Просят у своего бога прощения за то, что не приняли «Панацею».

— За что прощения? — спросил Линк.

— За то, что выжили. Они считают, что Veritas была карой за грехи человечества. А те, кто отказался от неё, — уклонились от искупления. И теперь должны страдать вдвойне.

— Не понимаю такой веры, — сказал Линк.

— А я понимаю, — тихо ответила Изида. — Когда у тебя ничего не осталось, вера — единственное, что нельзя отнять.

Туннель закончился, и они вышли на верхний ярус — туда, где обитал Кессади. Здесь было тише. Чище. Воздух пах не горелым субстратом, а чем-то дорогим — возможно, настоящим табаком. Охранники у дверей проверили их оружие и пропустили внутрь.

Кессади оказался крупным мужчиной с лицом, изрезанным старыми шрамами, и глазами, которые, казалось, видели всё насквозь. Его кабинет располагался в бывшем зале собраний Совета Сект — высокий сводчатый потолок, остатки фресок на стенах, изображавшие три спирали, переплетённые в круг, а теперь завешенные дорогими гобеленами. Бархатные портьеры скрывали облупившуюся позолоту, массивный стол из чёрного дерева был явно привозным — такие не делали ни на одной станции этого сектора.

Он сидел в массивном кресле, постукивая пальцами по подлокотнику, и разглядывал вошедших с выражением ленивого любопытства.

— Располагайтесь, — Кессади указал на кресла напротив. — У меня редко бывают гости с рекомендацией от Вебера. Ещё реже — те, кто ищет Кристалл Времени.

Линк сел, не сводя глаз с хозяина кабинета. Мерви осталась стоять у двери, машинально оценивая сектора обстрела. Изида опустилась в кресло рядом с Линком, и её пальцы легли на подлокотник — расслабленно, но Линк знал: в любой момент она готова активировать рой. Лин Чен, напротив, заинтересованно разглядывал фрески, угадывая в них знакомые символы.

— Вы знаете, зачем нам Кристалл? — спросил Линк.

— Догадываюсь. — Кессади откинулся на спинку кресла. — С такими вещами не летают на пикник. Вам нужно топливо для прыжка. И, судя по тому, что вы здесь, а не на официальной заправочной станции, — прыжок этот не совсем законный.

— Мы не ищем проблем с законом. Мы ищем топливо.

— Одно связано с другим. — Кессади достал из ящика стола тонкую сигару, прикурил от старомодной зажигалки. Дым поплыл по кабинету, смешиваясь с запахом старого дерева. — У меня есть задание, и вы подходите для него. Даже слишком хорошо подходите, я бы сказал.

Он выдержал паузу, разглядывая их сквозь дым.

— Есть один заброшенный исследовательский комплекс Falcon AIsis. Здесь же, в поясе, недалеко. Старый, законсервированный после аварии — той самой, о которой Falcon AIsis предпочла забыть. Внутри — лабораторный отсек, где экспериментировали с ранними образцами XNA, ещё до того, как Магнус Торвалд основал «Олимп». Мне нужен журнал исследований и, если найдёте, образец прототипа «Стабилизатора».

— «Стабилизатор»? — переспросил Лин Чен, отрываясь от фресок.

— Устройство, которое Falcon AIsis разрабатывала для контроля над мутациями XNA. Что-то вроде... узды для дикого XNA. — Кессади выпустил кольцо дыма. — Найдёте — принесёте мне. Взамен получите Кристалл.

— Почему не послать своих людей? — спросила Мерви.

— Потому что мои люди туда не сунутся. — Кессади помрачнел. — Я посылал три группы за последние два года. Ни одна не вернулась. Комплекс кишит диким XNA. Охранные системы

мутировали, слились с лабораторным оборудованием. Говорят, там появилось что-то... новое. Что-то, чего не должно было существовать.

— И вы думаете, мы справимся? — спросил Линк.

— Я думаю, у вас есть то, чего не было у моих людей. — Кессади кивнул на Изиду. — Она — носитель. Я вижу. И вы, — он перевёл взгляд на Линка, — тоже. А носители умеют договариваться с диким XNA. Или, по крайней мере, выживать там, где обычные люди умирают.

Линк переглянулся с Изидой.

— Что за авария? — спросила она. — Почему комплекс законсервировали?

— Несчастный случай. — Кессади пожал плечами. — Так сказано в отчётах. Но я читал те отчёты — вернее, то, что от них осталось. Там был эксперимент по слиянию человеческого сознания с XNA-матрицей. Что-то пошло не так. Образец... мутировал. Убил половину персонала. Остальные бежали. С тех пор комплекс стоит мёртвый, и всё, что там было, — осталось внутри.

— И вы хотите, чтобы мы это достали.

— Я хочу, чтобы вы принесли мне журнал и стабилизатор. Всё остальное — что найдёте — можете оставить себе. Мне нужны только данные.

Линк молчал, обдумывая. Мерви перехватила его взгляд и едва заметно покачала головой — не протестуя, а предупреждая: «Осторожно. Он не договаривает». Изида, напротив, смотрела на Кессади с холодным интересом — так, как смотрят на уравнение, которое нужно решить.

Линк выдержал паузу. Потом сунул руку в карман и медленно, давая Кессади разглядеть, положил на стол карту «Аномалия». Тёплый пластик мягко засветился в полумраке кабинета.

— Это не кредитный чип, — сказал Линк. — Это ключ. Настоящий, не подделка. Гриф «Аномалия класса три». Открывает архивы колоний, протоколы «Хирона», доступ к объектам, которых официально не существует. Таких карт было выпущено меньше десятка. Две из них уничтожены. Три — в руках Veritas. Эта — последняя из тех, что ещё можно использовать.

Кессади замер. Его рука с сигарой остановилась на полпути к губам. Он смотрел на карту так, как смотрят на предмет, который теоретически не должен существовать.

— Это не просто ценная вещь, — продолжал Линк. — Это артефакт. Коллекционный. Тот, кто владеет такой картой, владеет доступом к знаниям, за которые Veritas стирала людей. Я предлагаю её в обмен на Кристалл Времени. Без задания. Без дополнительных условий. Прямой обмен.

Кессади молчал. Его шрамы, казалось, стали глубже. Потом он медленно протянул руку и взял карту. Поднёс к свету. Провёл пальцем по значку — глаз в треугольнике. Перевернул. Прочитал микроскопическую надпись по краю: «Аномалия. Доступ к архивам колоний. Уровень 0».

— Это... — начал он и осёкся. — Вы понимаете, что отдаёте?

— Понимаю, — ответил Линк. — Эта карта провела меня через всё. Открыла мне правду о матери. О колониях. О том, что Veritas скрывала. Но сейчас она мне больше не нужна. А Кристалл Времени — нужен.

Кессади поднял глаза. В них больше не было ленивого любопытства. Только холодный, оценивающий расчёт коллекционера, который столкнулся с редкостью, выходящей за пределы его каталогов.

— За такую карту, — медленно произнёс он, — я дам вам Кристалл. И не просто Кристалл — лучший из тех, что у меня есть. И... — он помедлил, — я отказываюсь от задания. Вы уже заплатили. С лихвой.

Он достал из ящика стола футляр. Открыл. Внутри, на бархатной подложке, пульсировал золотистым светом кристалл — крупнее и ярче того, что они видели на «Терре».

— Чистейший в этом секторе, — сказал Кессади. — Хватит на два полных прыжка. Может, на три.

Линк взял футляр. Карта осталась лежать на столе — тёплая, живая, чужая. Он не оглянулся.

— Удачи, — сказал Кессади. — Она вам понадобится.

Когда они вышли в коридор, Мерви тихо сказала:

— Ты только что отдал ключ, который открыл тебе всё.

— Знаю, — ответил Линк. — Но двери, которые он открывает, мне больше не нужны. А те, что впереди, — открываются иначе.

Комплекс встретил их тишиной. Мёртвой, неестественной тишиной, в которой каждый шаг отдавался эхом от стен, покрытых серебристым налётом. Дикий XNA был здесь повсюду — он врос в панели, оплёл трубы, пульсировал в ритме, отличном от привычного 2,7 кГц. Более низком. Более агрессивном.

— Уровень активности выше среднего, — предупредил Скриб. — Если нападёт, у тебя будет три секунды. Может, две.

Изида шла первой. Её золотистые нити под кожей вибрировали, откликаясь на зов станции, и рой вокруг неё — тот, что она носила в себе с «Олимпа» — был спокоен. Она подняла руку, и серебристые наросты на стенах дрогнули, расступились, давая дорогу.

— Они помнят, — прошептала она. — Помнят, что такое приказ.

— Чей приказ? — спросил Линк.

— Тех, кто их создал. Тех, кто оставил их здесь.

Лабораторный отсек был запечатан. Старая дверь с выцветшей эмблемой Falcon AIsis не поддавалась стандартным кодам, и Лин Чен потратил несколько минут, чтобы обойти защиту. Когда дверь наконец открылась, изнутри пахло холодом и чем-то сладковатым — запахом старого субстрата.

Внутри было темно. Аварийное освещение давно умерло, и только свет фонарей выхватывал из мрака ряды стеллажей, заставленных контейнерами. В центре комнаты стоял терминал — старый, но, судя по слабому свечению индикатора, всё ещё работающий.

— Журнал здесь, — сказал Лин Чен, подключая планшет к терминалу. — Скачиваю.

Мерви и Свен рассредоточились по периметру, держа арбалеты наготове. Линк подошёл к дальнему стеллажу, где за прозрачной перегородкой лежал небольшой цилиндрический контейнер с маркировкой «Стабилизатор. Прототип 3».

— Нашёл, — сказал он, потянувшись к контейнеру.

— Стой! — Голос Лин Чена прозвучал резко. Старый техномант оторвался от терминала и подошёл ближе. — Дай-ка взглянуть. Я читаю журнал. Здесь сказано: «Стабилизатор интегрирован в XNA-матрицу комплекса. Извлечение без живого носителя невозможно — образец теряет активность через три минуты после отсоединения от питающей среды. Требуется биологический контейнер, предпочтительно тело с имплантированным XNA-роем».

Он поднял глаза.

— Кессади знал. Он должен был знать. Он читал те же отчёты, что и мы.

И в этот момент завывла до хрипоты по всему комплексу сигнализация.

Из темноты, из-за стеллажей, из вентиляционных шахт — отовсюду — полезли они. Не конструкторы. Не дроны. Нечто среднее. Мутировавшие охранные системы, когда-то бывшие стандартными XNA-андроидами, а теперь — бесформенные, пульсирующие серебром массы, которые двигались не на ногах, а перекачивались, перетекая, как ртуть. Их было много. Слишком много.

— Контакт! — крикнула Мерви, и её арбалет выплюнул первую капсулу.

Капсула разбилась о ближайшую тварь, серебристая жидкость растеклась по корпусу, и тварь замерла, рассыпаясь пылью. Но на её месте уже возникали новые.

— Журнал скачан! — крикнул Лин Чен. — Но стабилизатор просто так не взять! Там, в глубине отсека, есть капсулы с клонами — я видел на схеме. Если активировать клон, пересадить стабилизатор в него...

— Это живой человек! — оборвал его Линк.

— Это клон! — возразил Лин Чен. — Он никогда не жил. Он — пустая оболочка, выращенная для экспериментов. Если мы не используем его, стабилизатор умрёт, и мы не получим Кристалл!

— Нет, — отрезал Линк. — Мы не станем такими, как они. Не станем использовать людей, даже клонов, как контейнеры.

Свен выстрелил в темноту. Одна из тварей прорвалась сквозь защитный барьер Изида и метнулась к Линку.

— Решай быстрее! — крикнула Мерви, перезаряжая арбалет.

Изида, удерживающая проход золотистыми нитями, повернула голову. Её глаза горели нечеловеческим светом.

— Я могу... удержать его в себе, — сказала она. — Стабилизатор. На время. Пока мы не вернёмся на «Перекрёсток». Мой рой сможет питать его дольше, чем три минуты.

— Ты уверена? — спросил Линк.

— Нет. Но это лучше, чем тащить за собой невинного.

Линк колебался лишь секунду. Затем кивнул.

Лин Чен осторожно извлёк стабилизатор из контейнера — это оказался не просто цилиндр, а живая, пульсирующая субстанция, обвитая тончайшими серебристыми нитями. Он поднёс её к руке Изида. Золотистые нити её роя потянулись навстречу, оплетая стабилизатор, впитывая его в себя. Изида вскрикнула — не от боли, а от неожиданности. Её тело выгнулось, глаза закатились, и на мгновение Линк увидел, как под её кожей вспыхнули новые узоры — серебристые, чужие, вплетающиеся в золотую сеть.

— Готово, — выдохнула она. — Уходим.

Они бежали по коридорам, преследуемые топотом и скрежетом. Свен вызвал «Эхо-2» на автопилоте, и корабль уже ждал у шлюза. Последние метры — и они ввалились на борт, захлопнув люк за секунду до того, как серебристая волна ударила в обшивку.

— Взлетаю! — крикнул Свен, бросаясь к штурвалу.

«Эхо-2» рванулся прочь от комплекса, оставляя за кормой серебристое марево, которое ещё долго пульсировало в иллюминаторах, прежде чем раствориться в черноте.

Изида лежала на койке в медотсеке, когда Линк вошёл. Её лицо было бледным, но золотистые нити под кожей вибрировали ровно, спокойно. Стабилизатор прижился — по крайней мере, на время.

— Как ты? — спросил он, садясь рядом.

— Жива. — Она слабо улыбнулась. — Он внутри. Я чувствую его. Он... чужой. Но рой принял его.

— Ты могла погибнуть.

— Я знаю. Но это был мой выбор. — Она посмотрела ему в глаза. — Мы не стали использовать клон. Не стали жертвовать невинным. Это важно. Для нас. Для всего, за что мы боремся.

Линк молча сжал её руку.

Когда они вернулись на «Перекрёсток», Кессади ждал. Он осмотрел журнал, выслушал сбивчивый доклад о том, что прототип «Стабилизатора» пришлось имплантировать в носителя, и нахмурился.

— Значит, стабилизатор сейчас в ней? — он кивнул на бледную Изиду. — Это усложняет дело. Я ожидал, что вы привезёте образец в контейнере. Впрочем, я читал те же отчёты, что и вы. Знал, что без живого носителя не обойтись. Мой клон не выдержал бы извлечения — слишком слабый, бракованная партия, — но как контейнер для уже извлечённого образца сгодится. Придётся подождать. Пару часов.

— Что вы задумали? — спросил Линк.

— У меня есть клон с рудиментарным роем. Я пересажу стабилизатор из неё в него. Это безопаснее, чем держать такую мощь в живом носителе.

Линк хотел возразить, но Изида остановила его.

— Пусть. Я согласна. Чем быстрее он окажется вне меня, тем лучше.

Кессади кивнул и вышел, оставив их в зале ожидания — небольшой комнате с глухими стенами, тусклым светом и запахом старого табака. Изида опустила в кресло, прикрыла глаза. Её дыхание было ровным, но Линк видел, как под кожей пульсируют нити — золотистые, смешанные с серебристыми, чужими.

— Ты как? — спросил он.

— Держусь. — Она помолчала. — Знаешь, когда мы летели сюда, я вспоминала «Олимп». Мой первый день там. Как Владислав встречал меня в шлюзе. Как показывал сады. Как говорил, что это место — утверждение. Утверждение, что человек может создать рай, если достаточно умен и смел, чтобы взять на себя роль творца.

Она открыла глаза. В них стояли слёзы, но она не плакала.

— Тогда я думала, что попала в рай. А потом увидела, что это за рай. Они называли любовь «мономоделью». Они мерили чувства спектром ощущений. И я... я поклялась себе, что не стану одной из них. Что сохраню себя. Что останусь человеком — не функцией, не экспонатом, не чьим-то инструментом.

— Ты осталась, — тихо сказал Линк.

— Да. Но посмотри на меня сейчас. Во мне три симбионта. Я — носитель, как и ты. Я — ходячая лаборатория. — Она горько усмехнулась. — Может, они были правы. Может, чтобы выжить в этом мире, нужно перестать быть просто человеком.

— Они не были правы, — сказал Линк. — Ты сделала выбор. Не ради эффективности. Не ради ощущений. А ради нас. Ради того, чтобы мы не стали убийцами.

Изида посмотрела на него долгим взглядом.

— Ты правда веришь, что это что-то меняет?

— Верю. Потому что выбор — это единственное, что отличает нас от машин. От системы. От Veritas. Ты выбрала рискнуть собой. Это не делает тебя инструментом. Это делает тебя человеком.

Дверь открылась. Вошёл Кессади, за ним — двое техников с медицинским оборудованием и каталкой, на которой лежал клон. Молодой мужчина с закрытыми глазами, без сознания, без имени. Его кожа была бледной, почти прозрачной, но под ней уже пульсировали слабые серебристые нити — зачатки роя, готового принять стабилизатор.

— Процедура займёт около часа, — сказал Кессади. — Вам придётся подождать снаружи.

Линк вышел в коридор. Свен и Мерви уже ждали там.

— Ну что? — спросил Свен.

— Ждём.

Час тянулся долго. Линк сидел, прислонившись к стене, и думал о том, что сказала Изида. О садах «Олимпа». О птицах с перламутровыми крыльями. О людях, которые превратили науку в культ ощущений. Он думал о том, сколько ещё таких станций разбросано по галактике — мест, где человечность стала разменной монетой, а технология XNA из инструмента превратилась в религию.

Наконец дверь открылась. Изида вышла сама — бледная, но спокойная. Нити на её руках снова были чисто золотыми, без следа серебра.

— Готово, — сказала она. — Я свободна.

За её спиной, в комнате, техники увозили каталку с клоном. Теперь в нём пульсировал стабилизатор — живой образец, готовый к использованию.

— Ты в порядке? — спросил Линк.

— Да. Просто устала.

Они шли к «Эхо-2» молча. Карта «Аномалия» осталась у Кессади — цена за кристалл, который уже пульсировал в топливном элементе. Изида вдруг остановилась.

— Мы ведь ничего не изменили, — сказала она. — Клон всё равно получил стабилизатор. Всё равно стал контейнером. Просто теперь это сделал не ты, а Кессади. Какая разница?

— Разница в том, что мы не сделали это сами, — ответил Линк. — Это не меняет судьбу клона. Но меняет нас.

Изида кивнула, принимая его слова.

На борту «Эхо-2» Свен установил Кристалл в топливный элемент. Корабль дрогнул, живые панели засветились ярче, и двигатели загудели с новой силой.

— Заряд полный, — сказал Свен. — Теперь до «Олимпа» — меньше суток.

— Тогда курс — «Олимп», — сказал Линк.

«Эхо-2» лёг на курс. За кормой остались «Перекрёсток», мутировавший комплекс, Кессади с его новым клоном-контейнером и воспоминание о выборе, который они сделали. И карта «Аномалия» — артефакт, который провёл их через всю первую книгу и теперь остался в чужих руках. Впереди ждала станция, где всё началось. Станция, где для Изиды начнётся новое испытание — не физическое, а внутреннее. Возвращение в место, которое когда-то было раем, а стало адом.

ГЛАВА 3. ПРИЗРАКИ «ОЛИМПА»

«Эхо-2» шёл сквозь черноту. XNA-двигатель работал ровно, на пределе — Кристалл Времени, добытый на «Перекрёстке», отдавал энергию, и корабль шёл быстрее, чем когда-либо в своей жизни. Но внутри рубки было тихо. После суеты «Перекрёстка», после гонки через мутировавший комплекс, после болезненной пересадки стабилизатора — тишина ощущалась почти физически. Как вода, смыкающаяся над головой.

Изида сидела в кресле, закрыв глаза. Линк видел, как под веками движутся зрачки. Она не спала. Она была там — за много лет отсюда.

— Первый раз я прилетела на «Олимп» на грузовом корабле, — сказала она, не открывая глаз. Голос был тихим, почти отстранённым. — «Эхо-1». Тот самый, что сейчас дрейфует у платформы. Тогда он был целым. Новым. Он пах машинным маслом и свежим субстратом. Я стояла у иллюминатора и смотрела, как станция вырастает из темноты.

— И что ты увидела? — спросил Линк.

— Юпитер. Он висел над ней, как гигантский полосатый глаз. А сама станция... она была похожа на ювелирную брошь. Золотые лепестки док-модулей. Голубые неоновые ленты. Я никогда не видела ничего красивее. — Она открыла глаза и посмотрела на иллюминатор. — Теперь это кладбище.

Свен сидел за пультом, вцепившись пальцами в сенсорную панель. Его лицо было напряжённым.

— Частота вибрации панелей изменилась, — сказал он. — Ноль сорок семь герца. Это сигнал?

— Это станция, — ответила Изида. — Она нас чувствует. Она нас ждала.

— Кто — она?

— «Олимп». Рой, который мы оставили. Или который оставил нас.

— Граница мёртвой зоны через десять минут, — объявил Свен. — Всем приготовиться к потере связи.

Вход в сектор произошёл без предупреждения. Одна секунда — и мир за иллюминатором изменился. Звёзды исчезли. Связь оборвалась, оставив после себя только тишину. Плотную, тяжёлую, почти осязаемую.

— Связь потеряна, — сказал Свен.

— С Veritas тоже, — добавил Скриб. — Наконец-то тишина. Я не слышу их фонового шума. Это странно. И приятно.

— Привыкай, — ответил Линк.

— Вижу объект, — сказал Свен через час. — Четыре часа по курсу.

Он вывел на экран изображение с передних камер, и Линк увидел «Олимп».

Станция висела в пустоте, как забытая игрушка. Огромная, но сейчас, в свете далёких звёзд, она казалась маленькой. Беззащитной. И мёртвой.

Но мёртвой не в том смысле, в котором мёртв камень. Она была мёртвой так, как мертвое тело, в котором ещё теплится жизнь. Сквозь обшивку, в местах, где когда-то были смотровые окна, вибрировал слабый золотистый свет. Тот самый ритм, который Изида знала слишком хорошо.

Она стояла у иллюминатора, и её лицо в свете экрана было бледным, но спокойным. Линк заметил, как под кожей на её руках мерцали золотистые нити — рой внутри неё откликался. Не агрессивно — почти ласково. Как собака, узнавшая старый дом.

— Застывший рой, — сказала она. — Он вырос из трещин. Из того, что не смогли уничтожить.

- Он жив? — спросил Свен.
— Не знаю. — Изида покачала головой. — Он растёт. Дышит. Ждёт.
— Чего?
— Нас, — сказала она. — Он ждал нас.

Пока корабль приближался к станции, Изида снова закрыла глаза. И на этот раз воспоминания хлынули потоком, который она не могла остановить.

Она снова стояла в шлюзе «Эхо-1». Воздух пах едким угаром старых фильтров. Гул двигателей стихал, сменяясь шипением выравнивающего давления. Через толстое стекло переходного отсека открывался вид не на грубые фермы и антенны, а на изящные, позолоченные лепестки док-модулей, обвитые сияющими голубыми неоновыми лентами.

Это не порт. Это ювелирная брошь, приколотая к бархатной тьме космоса.

Шлюз открылся с бесшумным изяществом, и её встретил воздух. Тёплый, влажный — как после дождя в хвойном лесу. Он был не кондиционированным. Он был сконструированным. Идеальным. С нотами чего-то терпкого от работающей техники и едва уловимыми сладкими цветочными аккордами, которых не существовало на Земле.

И в этом воздухе, на фоне сияющего белого коридора, её ждал Владислав.

Он обнял её, и в этом объятии было столько силы и тихой радости, что у неё перехватило дыхание.

- Добро пожаловать в наш собор, — прошептал он. — Ну? Первый удар по восприятию?
— Воздух... — выдохнула она. — Он живой.

Он улыбнулся, взял её саквояж и повёл по сияющему коридору. Стены излучали мягкий, рассеянный свет. Под ногами упруго пружинило покрытие, поглощающее любой звук шагов.

— Главное — не показывай излишнего удивления. Не перед кем. Ты здесь по праву. Не как моя жена, а как лучший в своём поколении биоинформатик. Запомни это.

Они миновали стеклянную галерею, и Изида замерла. За прозрачной стеной, под искусственным солнцем, раскинулся Сад Гесперид. Орхидеи с лепестками, переливавшимися, как крылья тропических бабочек. Деревья, чья кора отливала металлическим блеском. Ручей с водой цвета аквамарина. И среди листвы мелькали тени — маленькие, изящные. Птицы с перламутровыми крыльями. Созданные. Не рождённые. Сконструированные, как и всё в этом раю.

— Это всё настоящее? — спросила она, прижав ладонь к стеклу.

— Наполовину, — ответил Владислав. — Биологическая основа земная. Но гены подправлены. Цвет, запах, долговечность... Это не природа. Это природа, прочитанная как партитура и исполненная заново. Самый дорогой в галактике бонсай.

Она обернулась к нему, и в её глазах читался восторг, смешанный с лёгким смятением.

— И мы будем жить с видом на это?

— Мы будем жить внутри этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.